

Отец Рождество и Я

Мэтт Хейт

С иллюстрациями КРИСА МОУЛДА

Рождество

Мэтт Хейг

Отец Рождество и Я

«Издательство АСТ»

2017

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Хейг М.

Отец Рождество и Я / М. Хейг — «Издательство АСТ»,
2017 — (Рождество)

ISBN 978-5-17-108251-2

Человеческому ребёнку нелегко прижиться в сказочном Эльфхельме, даже если твои приёмные родители — Отец и Матушка Рождество. Уж кому как не Амелии Визарт это знать! В школе для эльфов над ней смеются — она на две головы выше других учеников, но ходит в младший класс и никак не может освоить эльфийскую математику, в которой два плюс два равно снег. А к управлению летающими санями Амелию и вовсе не допускают, полагая, что человеку не дано постичь это искусство. Но когда Пасхальный кролик во главе своей ушастой армии решает поквитаться с эльфами и разделаться с Рождеством, только Амелия и ее друзья могут спасти главный праздник...

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-108251-2

© Хейг М., 2017
© Издательство АСТ, 2017

Содержание

Где-то далеко	6
Дом номер семь по Оленьей дороге	8
Ириска надежды	11
Матушка Рождество	16
Мой первый год в школе эльфов	23
Поездка на санях	31
Кот и олень	37
Яма	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Мэтт Хейг

Отец Рождество и я

Перл, Лукасу и Андреа

Где-то далеко

Полагаю, вы думаете, что знаете всё об Отце Рождество. И я искренне верю, что кое-что вы действительно знаете. Скорее всего, вам известно об оленях, и про Мастерскую игрушек вы тоже слышали. Вы знаете, что происходит каждый Сочельник. Ну разумеется.

Но готова поспорить, что вы ничего не знаете обо мне.

Начну, пожалуй, с того, во что поверить нетрудно.

Меня зовут Амелия Визарт, и у меня есть кот по имени Капитан Сажа. Я родилась в Лондоне и прожила там одиннадцать лет. А потом я кое-куда переехала.

Кое-куда очень далеко. И вряд ли вы представляете, куда именно.

Думаю, я могу без опаски сказать, что переехала в Финляндию – и в это вы поверите легко, потому что Финляндия есть на карте. К тому же, сказав так, я не погрешу против истины. Я действительно переехала в Финляндию – на самый край Крайнего севера, который лежит даже дальше, чем Лапландия (а дальше Лапландии, как известно, только снег, лёд и лишайники).

Место, где я живу, называется просто – Крайний север. А город – Эльфхельм. Не трудитесь искать его на картах. Во всяком случае, на человеческих вы его точно не найдёте. Дело в том, что большинство людей не способны его увидеть. Понимаете, Эльфхельм – волшебное место, а чтобы увидеть что-то волшебное, вы должны верить в волшебство. Но люди, которые рисуют карты, верят в волшебство, пожалуй, даже меньше, чем все остальные.

Несмотря на всю свою волшебность, Эльфхельм мало отличается от обычного города. Причём очень маленького. Если честно, он скорее похож на большую деревню. Здесь, как и в любом городе, есть магазины, дома и ратуша. Есть улицы, деревья и даже банк.

Но вот жители Эльфхельма сильно отличаются от меня. И от вас, полагаю, тоже.

Дело в том, что в Эльфхельме живут не люди.

Его населяют совершенно особенные существа. Волшебные.

В Эльфхельме живут...

Эльфы.

Но понимаете, какое дело: если вы живёте среди эльфов, то странным, ни на кого не похожим существом становитесь...

Да, всё верно.

Становитесь вы сами.

Дом номер семь по Оленьей дороге

Отец Рождество жил в доме номер семь по Оленьей дороге, рядом с Оленьим лугом, на самой окраине Эльфхельма.

Его дом, как и все остальные дома в городе, был выстроен из имбирного теста повышенной прочности. Но – в отличие от остальных домов в городе – входная дверь у него была достаточно высокой, и вам бы не пришлось стигаться в три погибели, чтобы войти.

Сам дом был полон дивных вещей. Вместо лестницы со второго этажа на первый вела горка. Дверной колокольчик ловко вызывал «Бубенцы звенят!». И повсюду лежали игрушки. На кухонных полках теснились все сладости, которые только можно представить – шоколад разных сортов, пряники, морошковое варенье. В гостиной стояли часы с оленем – с виду они напоминали обычные, только вот вместо кукушки из них каждый час выскакивал олень. А, и вместо скучного человеческого времени эти часы показывали эльфийское – «Половина рановатого» и «Скоро пора спятого».

Долгие годы Отец Рождество жил совсем один, но потом он попросил Дремоткинса, эльфа-плотника, сделать ещё две кровати и «самую уютную корзинку» для Капитана Сажи.

– А я сегодня посплю внизу, на батуте, – сказал Отец Рождество в первую ночь и поспешил заверить нас, что это исключительно удобный батут.

Вы спросите, зачем Отцу Рождество вдруг понадобились ещё две кровати? Это из-за меня и Мэри Этель Винтерс.

Мэри – женщина, в которую Отец Рождество был влюблён. При виде неё он всякий раз заливался краской. И она его тоже очень любила.

Мэри – самая добрая и самая милая из всех, кого мне доводилось знать. Щёки у неё румяные, как спелые яблоки, а улыбка согревает вернее, чем чашка горячего чая с мёдом. Я встретила её в Лондоне вскоре после того, как случилось самое страшное, что только могло случиться. Моя мама зарабатывала на жизнь тем, что чистила дымоходы от сажи. Из-за этого она тяжело заболела. Я ухаживала за ней, как могла, но болезнь оказалась сильнее, и мама всё равно умерла. Папа оставил нас, когда я была совсем крошкой, так что после маминой смерти меня отправили прямиком в рабочий дом мистера Иеремии Мора. В стенах этого ужасного заведения я почти позабыла, что такое счастье. Мэри работала на тамошней кухне и всегда была ко мне добра. Она тайком добавляла мёд в отвратительную овсянку, которой нас кормили изо дня в день. И я никогда этого не забуду.

Мэри тоже жилось несладко. Перед тем как попасть в рабочий дом, она скиталась по улицам Лондона, спала на скамейке возле Тауэрского моста и укрывалась голубями вместо одеяла.

Так что, когда Отец Рождество вызволил нас с Капитаном Сажей из рабочего дома, Мэри сбежала вместе с нами. И ни на миг об этом не пожалела – уж очень ей понравилось в Эльфхельме.

Мы прибыли сюда в Рождество, когда все дети в мире открывали подарки, и съели самый роскошный рождественский ужин, который я только видела в своей жизни. А ещё мы слушали восхитительную музыку, которую играла любимая группа всех эльфов – «Звонящие бубенцы». Мы смеялись, и пели, и танцевали свистопляску. Свистопляска – это очень сложный эльфий-

ский танец. Для того чтобы его станцевать, нужно энергично дрыгать ногами, крутиться во все стороны и немножко парить над полом.

– Думаю, тебе здесь понравится, – сказал Отец Рождество через какое-то время, когда мы пошли кататься на коньках по замёрзшему озеру.

– Я тоже так думаю, – ответила я.

Мне и в самом деле понравилось. И нравилось довольно долго – пока я не умудрилась разбить своё счастье на миллион осколков.

Ириска надежды

Чтобы добраться куда-нибудь в Эльфхельме, нужно пройти по большой улице, которая называется Главный путь. Надо сказать, эльфам не всегда хватает фантазии, когда дело доходит до названий. Например, в Эльфхельме есть улица с семью извилинами, и она так и зовётся – Улица Семи Извилин.

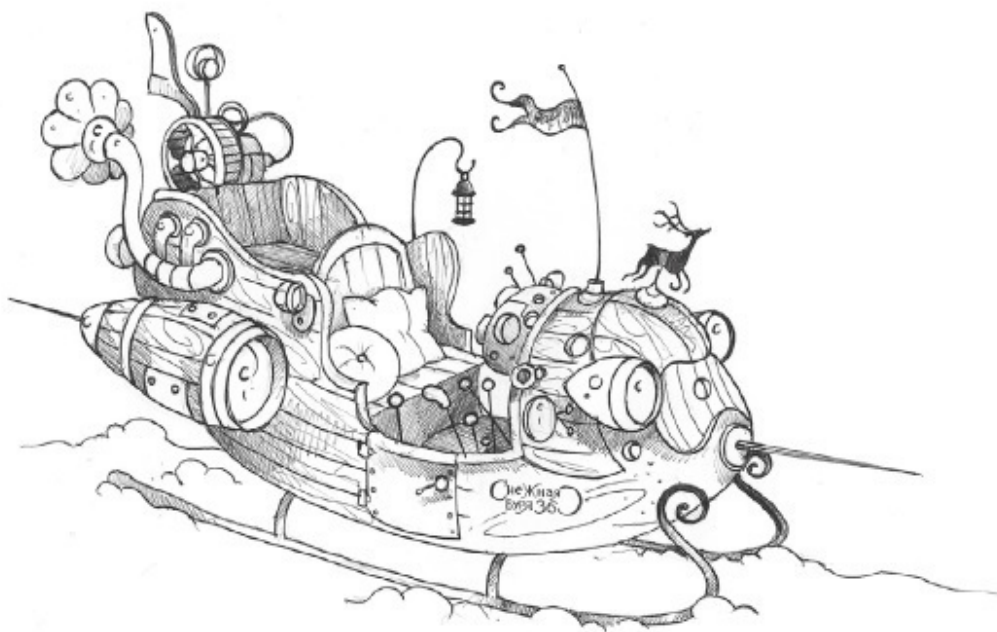
Ну так вот, мы с Отцом Рождество шли по Главному пути, стараясь ненароком не наступить на эльфов, которые так и шныряли под ногами. По обеим сторонам улицы блестели яркие вывески магазинов, где продавали башмаки, туники и пояса. Ещё на Главном пути располагалась Школа санного мастерства, перед которой стояли сани всех видов и размеров. Хотя ни одни из них, разумеется, не могли сравниться с санями Отца Рождество, на которых мы проделали весь путь до Эльфхельма. Отец Рождество оставил их на Оленьем лугу.

Возле маленьких белых саней суетился с тряпочкой высокий – по здешним меркам – эльф. Свежеотполированные сани сияли округлыми боками. Отец Рождество приветственно махнул эльфу рукой.

– Хо-хо-хо, Кип! Это новые сани, о которых я столько слышал?

Эльф улыбнулся как-то неуверенно и робко, словно сам не ожидал, что умеет улыбаться.

– Да, Отец Рождество. Это «Снежная буря 360».

– Они прекрасны, – с искренним восхищением произнёс Отец Рождество. – Одна оленья сила?

– Да, одна.

И они завели долгий и малопонятный разговор о спидометрах, видах упряжи, альтиметрах и компасах. Наконец Отец Рождество спросил:

– Ты разрешишь детям покататься на них, когда начнутся занятия?

Услышав это, Кип не на шутку встревожился.

– Нет, – решительно сказал он. – Это не детские санки. Посмотри, какого они размера. Только взрослым можно на них кататься.

– Что ж, – воскликнула Мэри, обнимая меня за плечи, – с этого года в вашей школе будет новая ученица. Готова поспорить, она выше любого эльфёнка. Да и любого взрослого эльфа, наверно.

– Познакомься с Амелией, – представил меня Отец Рождество. – Поверь мне, у неё талант управлять санями.

Кип уставился на меня и вдруг побелел, как снег.

– Ох. Да. Вижу. Что ж. Хм. Да. Хорошо.

А потом молча вернулся к полированию саней. Мы пошли дальше по улице.

– Бедняжка Кип, – тихо сказал Отец Рождество. – У него было тяжёлое детство.

Остальные эльфы, в противоположность Кипу, были настроены дружелюбно и охотно останавливались поболтать.

Матушка Брир, известная на весь Эльфхельм мастерица по поясам, одарила Отца Рождество новым поясом.

– Ох, Отец Рождество, – покачала она головой, – твой живот опять подрос! Придётся делать ещё одну дырку.

Потом мы направились в магазин сладостей, и его хозяйка, эльфа Лакричка, угостила нас новинками, над которыми как раз работала. Мы попробовали Пурпурную помадку из морошки, конфету с резким анисовым вкусом – Лакричка решила назвать её «Месть Блитцена», в честь любимого оленя Отца Рождество, – и Сладкий Утишитель.

– А почему Утишитель? – поинтересовалась я.

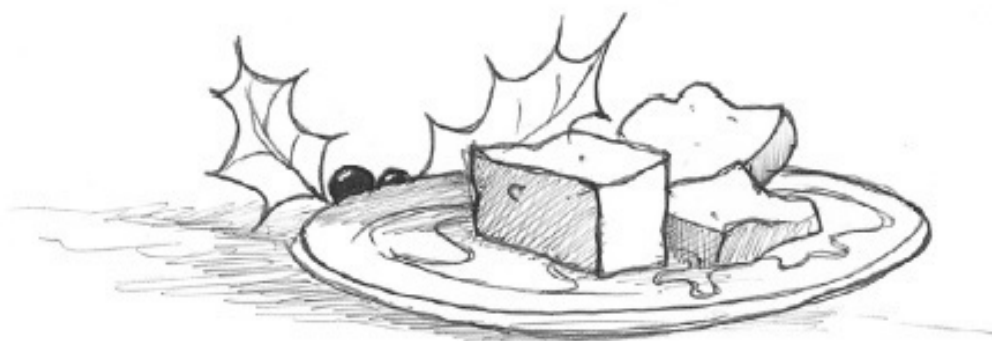
Лакричка указала на свою дочку – малышку Сьюки, очаровательную крошечную эльфю с острыми ушками. Та сидела в кресле-качалке и с довольным видом посасывала конфету.

– Всегда помогает, если малышка раскричится, – пояснила Лакричка.

Но самым необычным лакомством в магазине оказалась Ириска надежды.

– О, ириска! – воскликнула я, захлопав в ладоши. – Люблю ириски. А какой у неё вкус? Лакричка посмотрела на меня так, будто я сморозила несусветную глупость.

– Это Ириска надежды. И вкус у неё будет тот, на который ты надеешься.

Сунув конфету в рот, я изо всех сил понадеялась, что на вкус она будет шоколадной. Такой она и стала. Потом я понадеялась, что она будет как яблочный пирог. Ириска нагрелась – и я ощутила на языке вкус яблочного пирога. Затем я подумала о жареных каштанах, которые ела на Рождество, пока мама не заболела, и рот наполнился вкусом тёплым, мягким и рассыпчатым – прямо как в воспоминании. Но хотя я всегда любила жареные каштаны, мамы со мной больше не было, и от этого мне стало грустно. Я торопливо проглотила ириску и попросила у Лакрички Смехонфетку. Она щекотала язык, и я от неожиданности рассмеялась.

Колокольчик над дверью приветливо звякнул, и в магазин вошла пара эльфов, одетых в элегантные красные туники. Один из них сверкал лысиной, а на носу у него поблёскивали очки, другой же был круглым, как шар.

– Здравствуй, Пи! – радушно поприветствовал Отец Рождество эльфа в очках.

Затем он повернулся ко мне.

– Пи будет учить тебя математике.

– Привет, – сказал Пи, жуя лакричную пастилку. – Ты человек. Я кое-что слышал о человеческой математике. На редкость нелепая наука.

– Я думала, что математика везде одинаковая, – озадаченно пробормотала я.

Пи рассмеялся.

– Совсем наоборот! – сказал он. – Совсем наоборот!

Затем меня представили второму элфу. Его звали Колумбус.

– Я тоже учитель, – важно сообщил он. – Преподаю географию.

– А эльфийская география похожа на человеческую? – спросила Мэри.

Но вместо Колумбуса ответил Отец Рождество:

– Нет. Если верить человеческой географии, Эльфхельма вообще не существует.

Мы поели ещё конфет, купили немного домой, попрощались с Лакричкой, Пи и Колумбусом и вышли из магазина. Когда мы проходили мимо высокого здания с вывеской «Ежеснежник», Отец Рождество огорчённо воскликнул:

– Ох-ох-ох, очереди нет... Никто больше не хочет покупать «Ежеснежник».

Я уже кое-что знала о «Ежеснежнике», главной газете эльфов. Её бессменным главным редактором был Отец Водоль. А Отец Водоль был очень плохим элфом. Он ненавидел Отца Рождество, и когда тот ещё мальчиком появился в Эльфхельме, тут же заточил его в тюрьму. Понимаете, Отец Водоль был главой Совета эльфов, он правил Эльфхельмом и старательно насаждал среди его жителей страх перед чужаками. Но потом главой Совета стал Отец Рождество, и Отцу Водолю пришлось довольствоваться «Ежеснежником». Он руководил газетой до прошлого года, пока не выяснилось, что он помог троллям напасть на Эльфхельм. В наказание Отца Водоля не отправили в тюрьму – у эльфов больше нет тюрем, – но сместили с поста главного редактора и отправили жить на задворках Эльфхельма, в маленьком доме на самой тихой улочке, которая так и называлась – Очень тихая улица. Это считалось у эльфов суровым наказанием, потому как они ненавидели тишину.

Новым главным редактором «Ежеснежника» назначили Нуш, элфу, которая раньше была оленьим корреспондентом. И сразу случились две вещи. Во-первых, «Ежеснежник» стал значительно лучше. Во-вторых, эльфы прекратили его покупать. Судя по всему, жителям Эльфхельма было куда интереснее читать выдуманные истории Отца Водоля, чем правдивые репортажи Нуш.

Я рассказываю вам всё это сейчас, поскольку оно имеет непосредственное отношение к тому, что случится потом. Но тогда, выйдя из магазина сладостей, я беспокоилась совсем по другому поводу.

– Я никогда раньше не ходила в школу, – призналась я Отцу Рождество. – А в рабочем доме нас ничему не учили, только заставляли работать. И боюсь, в эльфийской школе я буду не к месту...

– Милая, ты себя недооцениваешь, – заверил меня Отец Рождество. – Вспомни, как быстро ты научилась управлять санями. Тебе достаточно было взять в руки поводья!

– Но что, если...

– Послушай, – сказал он. – Ни о чем не тревожься. Это Эльфхельм. Здесь всё возможно. Это как с ириской, которую ты съела. Если ты надеешься что-то почувствовать, ты обязательно это почувствуешь.

– Неужели здесь всё и вправду так просто, Николас? – спросила Мэри. Только она называла Отца Рождество человеческим именем.

– Так и есть, – ответил он.

В тот миг мне было очень легко ему верить. Мы шли по Главному пути, и всё вокруг сияло яркими огнями.

Я заметила, что Отец Рождество и Мэри держатся за руки, и подумала, что это выглядит невероятно мило. Наверное, милее всего, что мне доводилось видеть. Умиление переполнило меня до такой степени, что я внезапно озвучила мысль, которая крутилась в голове. А крутилось там вот что:

– Вам нужно пожениться!

Отец Рождество и Мэри остановились как вкопанные прямо посреди усыпанной снегом улицы, а потом медленно повернулись и посмотрели на меня. Лица их выражали крайнее удивление.

– Простите, – выпалила я. – Даже не знаю, что на меня нашло. Я не должна была этого говорить.

А они тем временем посмотрели друг на друга – и громко рассмеялись.

И Мэри сказала:

– Амелия, да ведь это же отличная идея!

А Отец Рождество сказал:

– Не просто отличная, а самая лучшая!

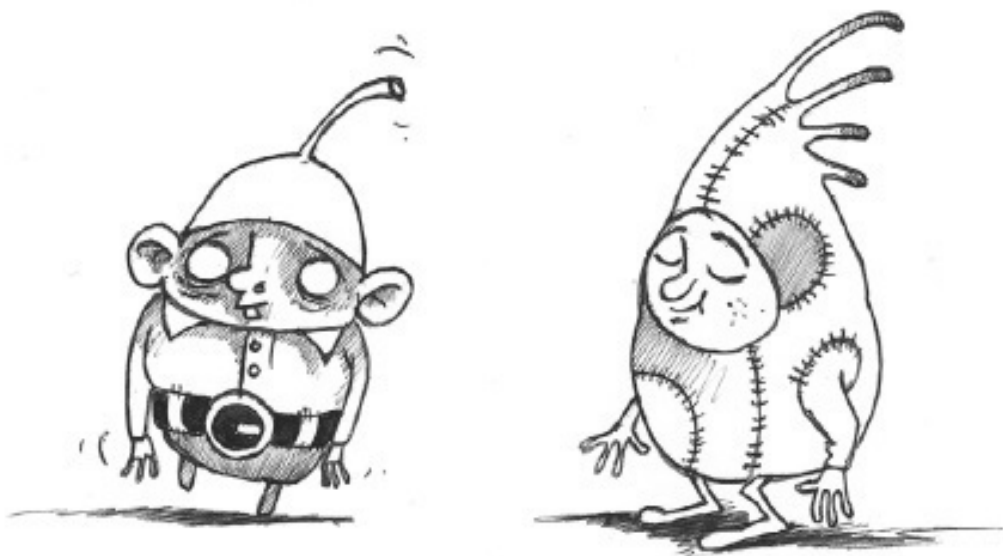
Вот так Мэри Этель Винтерс стала невестой Отца Рождество.

Матушка Рождество

Свадьбу назначили на конец зимних праздников. А на следующий день после этого знаменательного события я должна была первый раз пойти в школу эльфов. Так что подготовка к свадьбе, к счастью, отвлекала меня от волнений.

На праздник в ратуше собрался весь Эльфхельм. Пригласили и пикси с Лесистых холмов. Пикси Правды пришла вместе с Пикси Лжи. Тот сразу сказал, что ему очень нравятся мои уши, чем заставил меня озадаченно их ощупать. Олени Отца Рождество тоже появились в полном составе. Отец Рождество заставил Блитцена пообещать, что тот не будет безобразничать во время церемонии и использовать ратушу в качестве туалета, и Блитцен изо всех сил старался это обещание сдержать. Пришёл даже томтегаббе! Когда я жила в Лондоне, то слышала об эльфах и пикси, но о томтегаббе в тех краях ничего не знали. Судя по всему, томтегаббе были малочисленным народцем, обитавшим к востоку от Эльфхельма. Они прекрасно обходились без имён, и невозможно было понять, кто перед тобой – мужчина или женщина. Все они были просто *томтегаббе* и различались преимущественно по цвету. Тот, что пришёл на свадьбу Мэри и Отца Рождество, был пухлым коротышкой. Он светился жёлтым, улыбался и постоянно напевал что-то себе под нос. Капитан Сажа тоже почтил свадьбу своим присутствием – правда, крошки на полу интересовали его куда больше, чем происходящее в ратуше.

А ещё случилось землетрясение. Точнее, все подумали на землетрясение – но на самом деле это спешила в Эльфхельм троллиха из Долины троллей. Она была такой большой, что не влезла в ратушу, а потому уселась в пышный сугроб и наблюдала свадьбу через окно. Это была Ургула, предводительница троллей. Размерами она превосходила всех своих подданных – и унтертроллей, и убертроллей. Целиком я её разглядеть не смогла: видела только торчавшую за окном макушку, которая напоминала всклокоченное ветром дерево.

Зато Отец Рождество выглянул наружу и поприветствовал её, как старую знакомую.

– Рад тебя видеть, Ургула!

Та улыбнулась, продемонстрировав три зуба, – каждый величиной с прогнившую дверь.

– Я прийти, чтобы пожелать тебе и твоей любимой большущего счастья. От лица всех троллей!

– Как это мило, – сказала Мэри, вставая рядом с Отцом Рождество.

«Звонящие бубенцы», любимая группа всех эльфов, заиграли сочинённую как раз для такого случая песню «Ты прекрасна, душа моя (Хоть и выглядишь, как человек)».

Руководил церемонией Отец Топо, лучший друг Отца Рождество. Я быстро поняла, что свадебные обычаи Эльфхельма слегка отличаются от человеческих.

– Посмотрите друг другу в глаза, – сказал Отец Топо, – и постарайтесь не смеяться.

Счастливым молодожёнам неплохо это удавалось, пока Отец Топо не начал сыпать ужасными шутками.

– Что больше всего любят северные медведи?

– Не знаю, – ответила Мэри.

– Селёдку! Поняли? Потому что в ней есть лёд! СелЁДку!

– Да, – хмыкнул Отец Рождество. – Эту шутку я тебе рассказал!

Но у Отца Топо в запасе было ещё немало.

– Кто говорит «Ох-ох-ох»? Ты, когда идёшь задом наперёд! Потому что обычно ты говоришь «Хо-хо-хо». Ладно. Сколько нужно эльфов, чтобы раскрутить волчок? Двое! Потому что одного укусили за бочок! Поняли? Почему нельзя есть красную чернику? Потому что она зелёная!

Отец Топо продолжал и продолжал, и в конце концов Отец Рождество и Мэри всё-таки рассмеялись – не потому, что шутки были смешными, а потому, что они были до нелепости несмешными. И в это самое мгновение Отец Топо воскликнул: «Объявляю вас мужем и женой!» Потому что в Эльфхельме, чтобы вас сочетали узами брака, вам нужно одновременно рассмеяться во время свадебной церемонии.

Мэри автоматически стала Матушкой Рождество, потому что Отец Рождество был главой Совета эльфов. И ещё она стала полноправным членом Совета. Вот почему некоторых эльфов в Эльфхельме зовут Отцами и Матушками. Все Отцы и Матушки входят в Совет, посещают собрания и принимают решения, от которых зависит жизнь Эльфхельма и всех его обитателей. В теории кто угодно мог войти в Совет, но большинство эльфов не слишком-то туда стремились. Они прекрасно знали, что на собраниях бывает скучно до зевоты, а от скуки они покрывались сыпью, которая к тому же невыносимо чесалась.

Когда все отсмеялись, гости и новобрачные уселись за стол, который ломился от угощений. В зале снова зазвучала музыка, и эльфы пустились в свистопляску.

К концу праздника в ратушу явился сердитый на вид эльф с чёрной бородой. Он толкался сквозь толпу, злобно скалясь на Отца Рождество и Мэри, а также на тех, кто выглядел счастливым, – то есть вообще на всех в зале, кроме, может быть, Пикси Правды. Дело в том, что она предпочла бы, чтобы Отец Рождество и дальше оставался один. Я своими ушами слышала, как она говорила об этом. Так что Пикси Правды было непросто присоединиться ко всеобщему веселью.

– Хорошо проводишь время? – невинно поинтересовалась я.

– Сегодня худший день в моей жизни, – честно (иначе она не умела) ответила Пикси Правды и запихнула в рот большущий кусок свадебного торта.

Сердитым эльфом был никто иной как Отец Водоль. Когда Отец Рождество встал, чтобы произнести последний тост, я заметила, что Отец Водоль неотрывно смотрит на бокал с морошковым соком у него в руке.

– Дорогие эльфы, пикси, люди, олени и ты, томтегаббе, конечно, тоже! Спасибо вам, что пришли. Сегодня для меня особенный день. Я счастлив так, будто отпраздновал Рождество тысячу раз. Потому что сегодня я женился на самой доброй, самой отзывчивой и самой весёлой женщине из всех, кого знаю. То есть на тебе, Матушка Рождество. И вы все пришли разделить эту радость со мной. Я хочу сказать ещё об одном человеке, который сейчас в этом зале. – Отец Рождество указал на меня. – Вон о той девочке. Амелии Визарт. Она спасла Рождество и многому меня научила. И прежде всего она научила меня тому, на что способна надежда. Вы ведь знаете, что надежда – это волшебство. Сейчас я всем сердцем надеюсь, что Эльфхельм примет Амелию и мою дорогую Мэри с распростёртыми объятиями и станет для них настоящим домом. Они, как и я, слегка не похожи на эльфов, но я вас уверяю, они прекрасно впишутся в нашу жизнь.

– Вот-вот! – поддержала Отца Рождество Нуш. Она стояла рядом со своим прапрапра-прапрадедушкой Отцом Топо и держала на руках Малыша Мима.

– Несомненно! – поддакнул Отец Топо. – Чем больше народу, тем больше веселья, в Эльфхельме всегда так было. Деревня, где живут одни только эльфы, похожа на чулок, в который из года в год пихают один и тот же подарок.

– Я очень рада быть здесь, среди вас, – сказала Мэри. – И Амелия тоже рада. Правда, Амелия?

Теперь весь зал смотрел на меня.

– Да, – сказала я. – Я тоже рада. Эльфхельм в тысячу раз лучше рабочего дома, поверьте мне на слово.

Эльфы довольно разулыбались, хоть и обменялись слегка озадаченными взглядами. Наверное, всё дело было в том, что я от них отличалась. Я отличалась даже от Мэри и Отца Рождество: во мне не было никакого чудовства. Чудовство – это особое эльфийское волшебство. С помощью него Отец Топо спас жизнь Отцу Рождество, когда тот был ещё мальчиком. А Отец Рождество использовал чудовство, чтобы спасти Мэри. Мне это волшебство пока было неподвластно, в отличие от эльфов, Отца Рождество и Мэри, которая брала уроки чудовства. Но я не переживала – во всяком случае, пока. Мне даже нравилось быть не такой, как все. В Лондоне я всегда ощущала себя невидимкой, очередной перемазанной в сажу оборванкой, каких на улицах пруд пруди. Приятно было для разнообразия выделяться из толпы. Из-за этого я чувствовала себя особенной, чего со мной никогда ещё не случалось.

Правда, сейчас мне стало слегка неловко от столь пристального внимания, и Отец Рождество не замедлил меня выручить.

– Так давайте же поднимем бокалы за счастье и дружбу! Не так уж важно, кто они и откуда пришли, теперь они с нами в Эльфхельме, и мы с радостью примем их в свою семью.

Отец Водоль по-прежнему не сводил глаз с кубка в руке Отца Рождество. Внезапно тот задрожал и заметался, словно желая вырваться на свободу. Отец Рождество пытался его удержать, но тщетно. Кубок просвистел через зал и с громким звяком упал к моим ногам. Морошковый сок расплескался по полу яркой оранжевой лужей.

Никто не понял, что во всем виноват Отец Водоль, потому что никто не видел, как он смотрел на кубок.

– Что случилось? – озадаченно спросила Мэри.

– Понятия не имею, – ответил Отец Рождество.

– Это он сделал. – Я указала пальцем на чернобородого эльфа.

Гости мгновенно притихли и встревожились. Даже Отцу Рождество стало явно не по себе. Я тоже забеспокоилась и поспешила добавить:

– Это был Отец В...

Но закончить предложение так и не смогла. Невидимая сила закрыла мне рот, плотно склеив губы. Я не сразу поняла, что это тоже дело рук Отца Водоля.

– Не знаю, о чём говорит эта девочка, – с беспечной улыбкой заявил он. – Она определённо ошибается.

Я попыталась ответить, но не смогла. Отец Рождество и Мэри выглядели не на шутку встревоженными. Мне не хотелось портить им праздник, а потому я пожала плечами и неловко улыбнулась, не разжимая губ.

Отец Рождество посмотрел на руку, в которой недавно держал кубок, на оранжевую лужу у моих ног, – и выпятил нижнюю губу.

– Что ж, не будем плакать о пролитом соке. Мы собрались, чтобы веселиться! – Он хлопнул в ладоши. – «Бубенцы», сыграйте что-нибудь позадорнее.

Музыканты снова взялись за инструменты, и вскоре посреди зала развернулась настоящая танцевальная битва. Эльфы старались перещеголять друг друга в свистопляске. Я тоже танцевала, правда, как обычный человек, то есть совсем не по-волшебному. А потом Отец Водоль подошёл и встал прямо передо мной.

После эпизода с кубком и закрытым ртом я начала его побаиваться, но показывать этого не собиралась. Поэтому невинно спросила:

– Вы любите танцевать?

– Нет, не люблю, – ответил он. – Понимаешь ли, в чем дело: во время танца нужно всё время следить, куда ставишь ногу. Потому как если ошибёшься, это повлечёт за собой *последствия*.

Я рассмеялась.

– Вот уж не думала, что танцы – это так серьёзно!

Отец Водоль продолжал сверлить меня взглядом, и я сообразила, что он говорит не о танцах.

– Я говорю не о танцах, – тут же подтвердил он мою догадку.

– О.

– Я говорю о тебе.

– А почему мне нужно следить, куда я ставлю ноги?

– Потому что они у тебя слишком большие.

– Нормальные у меня ноги, такие, какие должны быть. Я же человек.

– Вот именно! – Глаза Отца Водоля расширились. Вид у него стал слегка безумный. – Ты человек. Тебе здесь не место.

– Отец Рождество тоже человек. Как и Мэри. Им здесь тоже не место? Мне кажется, остальные эльфы так не думают.

Музыка играла всё громче и громче. Отец Водоль наклонился ко мне и сказал очень тихо, но так, чтобы я расслышала каждое слово:

– Девочка, ты плохо знаешь эльфов. Видишь ли, они очень изменчивы. Один неверный шаг, и они от тебя отвернутся. Впрочем, скоро ты сама всё поймёшь. Уж я тебе обещаю.

– Я тебя не боюсь.

– *Пока*, – подчеркнул Отец Водоль. – Ты пока меня не боишься. Не забывай смотреть, куда ставишь свои большие ноги.

Сказав это, Отец Водоль развернулся и ушёл. Все вокруг были слишком увлечены танцами, чтобы заметить, как улыбка на моём лице сменилась выражением беспокойства. Я

поняла, что самый злобный эльф в Эльфхельме стал моим врагом, и остаток вечера не могла выбросить это из головы.

Я совсем забыла, что на следующий день мне предстояло пойти в школу эльфов...

Мой первый год в школе эльфов

Эльфы маленькие, но дети эльфов ещё меньше. Хотя технически я сама была ребёнком, природа не обделила меня ростом, а потому по эльфийским стандартам я была *слишком* высокой – тем более среди эльфят.

Входя в класс, я постоянно билась головой о притолоку, с трудом втискивала ноги под парту, а стул для меня был таким низким, что мне казалось, будто я сижу на полу. Крошечные карандаши так и норовили выскользнуть из пальцев, а буквы едва помещались на строчках в эльфийских тетрадках. Что же до школьного туалета... скажем так, по возможности я старалась туда не ходить.

Но мне нравилось то, что у каждой классной комнаты имелось своё название. Морозный класс соседствовал с Пряничным, за ним следовал Класс бубенцов, а самые старшие эльфята учились в Классе омеи. Я же ходила в Класс снежков.

Моей соседкой по парте была маленькая улыбчивая эльфа по имени Мерцалка. Она успевала по всем предметам. Эльфята, да и эльфы, вообще большие молодцы, но Мерцалка была особенной. Она была хороша во всём ещё и потому, что пусть по эльфийским меркам и считалась ребёнком, но на самом деле ей было двести семьдесят два года.

– Двести семьдесят два с половиной, – уточнила она в первый же день. – Знаю, по мне не скажешь, но дело в том, что эльфы взрослеют, пока не достигнут идеального возраста – то есть возраста, когда мы находим своё призвание, то, что делает нас счастливыми. Со многими эльфами это случается далеко не сразу. Им требуется много-много лет на то, чтобы понять, чем же они хотят заниматься.

Об этом я уже знала. Отец Топо, например, перестал стареть в девяносто девять лет. А Отец Рождество, который по рождению был не эльфом, а человеком, на которого наложили чудовство, обнаружил своё призвание где-то в шестьдесят. Но некоторые эльфы перестают взрослеть очень рано. Так, Мерцалке было одиннадцать лет – и одновременно двести семьдесят два (с половиной) года.

Всего в Классе снежков училось двадцать эльфят. Кроме Мерцалки, там был крошечный, но крайне энергичный эльфёнок по имени Печенька, чемпион по свистопляске среди юниоров, и маленькая эльфа Снежинка, которая немного раздражала меня тем, что смеялась всякий раз, когда я ошибалась. То есть довольно часто.

Разные предметы нам преподавали разные учителя. Но нашей классной руководительницей была Матушка Звеньк. Она всегда была добра ко мне, хотя я не могла избавиться от ощущения, будто в её глазах я только зря занимаю место в классе.

Именно Матушка Звеньк в первую неделю сказала мне, что я ещё не готова к урокам санного мастерства.

Я сразу почувствовала, как в груди сердитым чайником вскипела злость. В последний раз я так злилась ещё в работном доме, на Иеремию Мора.

– Но я уже управляла санями! И не просто санями, а санями Отца Рождество! Самыми большими в Эльфхельме!

Матушка Звеньк покачала головой.

– Мне очень жаль, но мы не допускаем учеников к управлению санями раньше, чем через полгода. Эти правила не я придумала, боюсь, их утвердил Кип.

– Но ваши ученики поступают в первый класс в пять лет, а мне уже одиннадцать.

– Одиннадцать *человеческих* лет, – подчеркнула Матушка Звеньк. – А это не то же самое, что одиннадцать эльфийских. Люди не созданы для того, чтобы управлять санями.

На этом разговор закончился. Я поняла, что мне придётся ждать – и разбираться с остальными предметами.

Например, с математикой. Пи не обманул, эльфийская математика и вправду отличалась от человеческой и была довольно причудливой. В эльфийской математике лучшим ответом считался не правильный, а самый интересный.

– Амелия, сколько будет два плюс два? – спрашивал Пи.

– Четыре, – отвечала я.

И весь класс покатывался со смеху. Не смеялась только Мерцалка.

– Мерцалка, скажи Амелии, сколько будет два плюс два, – просил Пи, когда веселье стихало.

Мерцалка выпрямлялась и громко и чётко отвечала:

– Снег.

– Именно, – кивал Пи. – Два плюс два будет снег. Или пуховое одеяло.

А Мерцалка смущённо смотрела на меня снизу вверх и просила прощения за то, что знала правильный ответ. От этого становилось только хуже.

С остальными предметами было не легче.

Мы занимались письмом, пением (оказалось, голос у меня недостаточно жизнерадостный), смехом в нелёгкие времена (очень сложный предмет!), шутовством, Рождествоведением, свистопляской (просто кошмар), практическим чудовством (ладно, я поторопилась, вот настоящий кошмар), пряничным делом, счастьесофией и географией.

Колумбус – учитель географии, которого мы встретили в магазине сладостей вместе с Пи, – показался мне довольно приятным эльфом, и на его уроки я возлагала большие надежды. География звучала очень обыденно и по-человечески, но, разумеется, на деле оказалась не менее безумной, чем другие предметы. Весь земной шар к югу от Очень большой горы именовался просто Миром людей. Эльфов ничуть не волновало, где находится Финляндия, Британия, Америка или Китай – все страны были для них на одно лицо. В конце концов, это забота Отца Рождество (а теперь и Матушки) – планировать маршрут, – вот он пусть и разбирается, над чем он там будет пролетать, когда придёт время развозить подарки.

Зато территории к северу от Очень большой горы изучались с особой тщательностью. Их называли Волшебными землями. Они включали Эльфийские территории, которые состояли из Эльфхельма и Лесистых холмов. Последние, строго говоря, были территориями пикси, но те плевать хотели на географию, так что не возражали. Ещё к Волшебным землям относилась Долина троллей, Ледяные равнины, где обитали томтегаббе, земли хюльдр (как можно догадаться, там жили хюльдры) и Страна нор и холмов.

Шли дни, а с ними недели и месяцы. Отец Рождество почти всегда засиживался на работе допоздна – этот год выдался самым напряжённым для Мастерской игрушек. Мэри тоже была вечно занята, ведь ей поручили разработку Рождественского маршрута. Ещё она посещала уроки практического чудовства, чтобы сполна овладеть доступной ей магией, и не сказать, чтобы они давались ей легко. В любом случае, они оба были по уши в делах, и я не хотела докучать им своими проблемами, так что шёпотом жаловалась Капитану Саже, а он сочувственно мурлыкал в ответ.

Я всегда считала себя девочкой, которая может сама о себе позаботиться. Строго говоря, у меня и выбора-то не было. И должна сказать, большую часть года мне это удавалось. Я даже успевала веселиться. Чего-чего, а веселья в моей жизни теперь хватало. Несмотря ни на что, жить в Эльфхельме всё равно было гораздо лучше, чем быть сиротой в Лондоне.

Я часто ходила в гости к Мерцалке, чтобы поиграть в эльфийский теннис. Он был очень похож на обычный, вот только вместо настоящего мяча мы играли воображаемым. Этот эльфийский спорт я освоила довольно быстро и даже добилась успехов. Жаль, что в школе мы в него не играли. Потом я возвращалась домой и читала, или прыгала на батуте, или читала, прыгая на батуте.

Даже на занятиях всё было не так плохо. Мне нравилось сидеть рядом с Мерцалкой, она знала много замечательных шуток (лучше тех, что рассказывал на свадьбе Отец Топо), а Печенька на переменах развлекал нас свистопляской. Даже в плохие дни я напоминала себе, что всё образуется, когда меня допустят к управлению санями. Но прошло шесть месяцев, затем семь, а следом и восемь. Близился декабрь, а я по-прежнему сидела в пустой классной комнате и тоскливо смотрела в окно, за которым проносились эльфы на санях. В душе крепло подозрение, что мне никогда не позволят освоить это искусство.

До Рождества было уже рукой подать, когда я впервые решила поделиться своими тревогами с Мэри и Отцом Рождество. Помнится, в тот же день я впервые услышала о Стране нор и холмов.

– Где она находится? – спросила я Колумбуса.

– Очень далеко. Так далеко, как это возможно в пределах Волшебных земель. Где-то в сотне миль от Долины троллей.

– А кто там живёт?

Мои одноклассники явно знали ответ, но почему-то, вопреки обыкновению, не стали хихикать, а наоборот, испуганно притихли.

– Очень опасные существа, – серьёзным голосом ответил Колумбус.

– Какие?

– *Кролики.*

Тут настал мой черед смеяться.

– Кролики? Да что же в них опасного?

Колумбус задумчиво кивнул.

– Я понимаю, о чём ты. Ты говоришь о кроликах, которые живут в мире людей. О маленьких прыгучих пушистиках с длинными ушами. Прыг-скок, прыг-скок! Отец Рождество мне о них рассказывал. Но кролики из Страны нор и холмов совсем не такие. Они гораздо крупнее. Ходят на задних лапах. И они... – Колумбус помолчал, собираясь с духом. – Смертельно опасны.

– Смертельно опасны? – Я не смогла сдержать улыбку. Это звучало просто смешно.

– Он не шутит, – шепнула Мерцалка.

– Да, – неодобрительно нахмурился Колумбус. – И смеяться тут не над чем... Кто расскажет Амелии о кроликах из Страны нор и холмов?

Снежинка первой подняла руку.

– Да, Снежинка?

– Ими правит Пасхальный кролик.

Я с трудом проглотила смешок.

– Правильно, – сказал Колумбус. – Пасхальный кролик у них за главного. Это всем известно. Ну, всем, кроме Амелии. Что ещё мы о них знаем?

Теперь подняла руку Мерцалка, чему я несколько не удивилась.

– У них есть большая армия. Огромная! Их тысячи, даже десятки тысяч. Сотни лет назад они воевали с троллями и эльфами. В те времена эльфы населяли все Волшебные земли, но армия кроликов оттеснила их на юг, к Очень большой горе, забрав себе Страну нор и холмов. В Войнах троллей кролики тоже одержали победу.

Колумбус, довольный ответом, улыбнулся Мерцалке.

– Блестяще. В стародавние времена кролики обретались в норах глубоко под землёй. Тогда эльфы и кролики мирно уживались друг с другом. Но потом армию кроликов возглавил Пасхальный кролик. Его такое положение дел не устраивало. Он хотел, чтобы о кроликах узнал весь мир. Они по-прежнему спали и работали в норах, но больше не желали прятаться и дрожать в страхе. Особенно летом. Им нравился солнечный свет, они любили тепло и хотели бегать, где им вздумается. И всё бы ничего, но они не желали видеть вокруг никого, кроме кроликов. Поэтому они вынудили эльфов уйти – по крайней мере, тех, кто остался в живых. А таковых было немного.

– О нет, – вырвалось у меня. – Это ужасно!

Колумбус тяжело вздохнул.

– Что ж, это события давно минувших дней. С тех пор кролики живут сами по себе, а мы – сами по себе. Так что беспокоиться не о чем.

– Откуда вы знаете? – спросила я.

– Так ведь он же учитель! – воскликнула Мерцалка, и все снова рассмеялись над моей глупостью. А мне не давали покоя вопросы. Они крутились в голове и выйти могли только через рот – что и не преминули сделать.

– А почему его называют Пасхальным кроликом?

Колумбус опять посмотрел на Мерцалку.

– Мерцалка, объясни, почему Пасхального кролика называют Пасхальным.

Мерцалка набрала полную грудь воздуха и выпрямилась так, будто ей к спине привязали палку.

– Его называют Пасхальным, потому что кролики вышли из своих нор на Пасху. А ещё именно на Пасху становится теплее и светлее, а ещё в этот день случилась первая и последняя битва между эльфами и кроликами.

– А как его называли до этого?

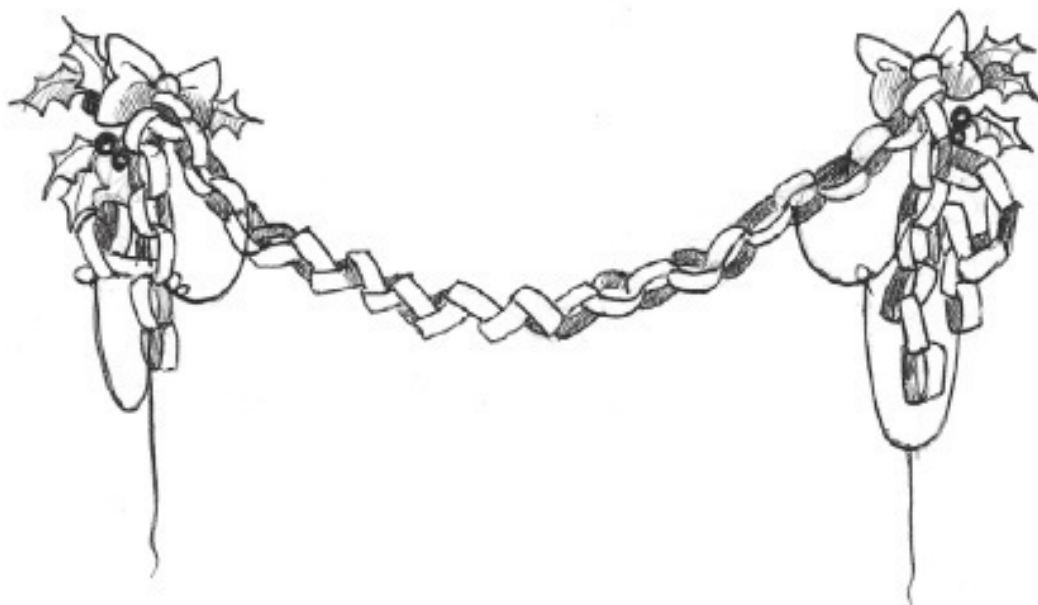
– Семь четыре девять, – ответил Колумбус вместо Мерцалки. – Кроликам больше нравятся цифры, чем имена. Они очень математически одарённые животные.

– Понятно, – сказала я, хотя на самом деле мне было понятно далеко не все. Например, если Пасхальный кролик и его армия хотели бегать, где им вздумается, почему они не забредали в Эльфхельм? Действительно ли кролики больше не угрожают эльфам? Жив ли Пасхальный кролик?

Вечером, вернувшись домой, я спросила о Пасхальном кролике Отца Рождество.

– Ох, – пропыхтел он, ловко вдевая одно бумажное кольцо в другое (мы делали гирлянды). – Война с кроликами закончилась задолго до того, как я прибыл в Эльфхельм. И задолго до того, как я родился. Только самые-самые старые эльфы помнят о том, как жилось

в Стране нор и холмов. Отец Топо помнит. Ему было шесть, когда эльфам пришлось бежать. Отец Топо говорит, что в Стране нор и холмов не было ничего особенного. Большинство эльфов ничуть не жалеют, что оставили те земли. Они были довольно унылыми: ни лесов, ни холмов, вопреки названию. Вообще ничего, кроме кроличьих нор...

Час спустя, закончив с гирляндами, мы сидели за столом и пили чай с вишнёвым пирогом.

Я никак не могла перестать думать о кроликах. Мне распирало от любопытства.

– Но если в Стране нор и холмов так скучно, откуда мы знаем, что кролики не попытаются захватить Эльфхельм?

Отец Рождество ободряюще улыбнулся. В его глазах сверкнули искорки.

– Потому что это случилось триста лет назад. И за всё это время ни один кролик даже не подошёл к Эльфхельму. Что бы ни было у них на уме, они занимаются этим где-то далеко и до Эльфхельма им дела нет. Так что волноваться не о чем.

Слова Отца Рождество меня успокоили. Но, наверное, на моём лице все ещё проступала тревога, потому что Мэри спросила:

– Милая, что-то случилось?

Я вздохнула. Мне всегда казалось, что не стоит жаловаться на то, как мне живётся в Эльфхельме. Ведь тут в любом случае было лучше, чем в рабочем доме мистера Мора. Но Мэри смотрела на меня взглядом, который вынуждал говорить правду, так что я не стала юлить.

– Школа, – ответила я. – В школе не всё хорошо.

Мэри сочувственно склонила голову.

– А что не так со школой?

– Всё. Этот год был довольно сложным. Мне тяжело даются эльфийские предметы. Я никак не возьму в толк, о чём говорят учителя. И эльфийская математика совсем мне не даётся...

Отец Рождество понимающе кивнул.

– Да уж, к эльфийской математике нужно привыкнуть. Я тоже долго не мог поверить, что найти значение переменной можно только на перемене, а для деления в столбик нужно залезть на столб. Но не переживай, с математикой у всех так.

– Не у всех, – я упрямо выпятила губу. Перед глазами сразу возникла Мерцалка и то, как её рука салютом устремляется вверх. – И дело же не только в математике. У меня со всеми уроками беда. Такого нежизнерадостного пения школа не слышала с момента основания, а ведь я стараюсь изо всех сил! А смех в нелёгкие времена, как по мне, вообще предмет довольно глупый. Зачем смеяться, когда на душе кошки скребут? Я считаю, совершенно нормально грустить, если в жизни настали безрадостные времена. Не понимаю, зачем улыбаться по поводу и без повода.

– Ох, лишайник и мох, – пробормотал Отец Рождество. – Наверное, про свистопляску и спрашивать не стоит.

– Ага, – грустно кивнула я. – Человеческие ноги не предназначены для таких выкрутасов.

– Как я тебя понимаю, – поддакнула Мэри.

– Когда мы танцуем, стоя на полу, у меня ещё получается, но когда все начинают парить в воздухе... Это же просто невозможно!

Отец Рождество вздрогнул, будто у него перед лицом взорвался фейерверк.

– Не произноси это слово, – строго сказал он.

Но к тому времени настроение у меня совсем испортилось, так что я заартачилась и принялась повторять снова и снова:

– Невозможно. Невозможно. Невозможно. Невозможно.

– Амелия! – с мягким укором произнесла Мэри. – В нашем доме не ругаются.

– Но невозможно – это вовсе не ругательство! – воскликнула я. – Ведь в мире существуют действительно невозможные вещи. Обычному человеку не под силу освоить свистопляску. Или овладеть практическим чудовством. А иногда в понедельник утром даже счастье попадает в разряд невозможного!

– Счастье никогда туда не попадает, – возразил Отец Рождество. – Нет ничего невозможного. Невозможность – всего лишь...

– Знаю, знаю, – перебила его я. – Невозможность – всего лишь возможность, которую ты ещё не увидел. Сто раз уже слышала. Но вот, к примеру, разве можно ходить по потолку? Невозможно! Или полететь к звёздам? Невозможно же!

– Вообще-то нет, – пробормотал Отец Рождество. – Очень даже возможно, просто не стоит этого делать. А это две большие разницы.

– Послушай, милая, – вмешалась Мэри. – Я понимаю, что ты чувствуешь. Я уже год хожу на занятия по практическому чудовству и должна признаться, что почти не продвинулась. Но я не собираюсь сдаваться. Должны же быть предметы, которые тебе нравятся?

Я задумалась. Капитан Сажа потёрся головой о мою ногу, желая подбодрить.

– Пожалуй, есть, – призналась я. – Письмо. Мне нравится писать. Очень нравится. Когда я пишу, то чувствую себя свободной.

– Ну вот и замечательно! – улыбнулся Отец Рождество. – А как же санное мастерство? Тебе нравится управлять санями? У тебя здорово получается!

И тогда я наконец переборола стыд и обо всём им рассказала.

– Мне не разрешают управлять санями, – с горечью выговорила я.

– Что? – одновременно воскликнули Мэри и Отец Рождество.

– Это потому, что я только первый год учусь в эльфийской школе. И потому что я человек. Сначала мне сказали, что придётся подождать шесть месяцев, но прошло уже двенадцать, а меня по-прежнему не подпускают к саням. Ну да ладно. Возможно, они правы. И Отец Водоль был прав тогда, на вашей свадьбе. Наверное, я просто не подхожу для жизни в Эльфхельме.

– Какая немыслимая чушь! – воскликнула Мэри, и щеки её покраснели сильнее обычного. – Ты подходишь Эльфхельму не меньше, чем я, – и чем кто-либо другой. Амелия, таких людей, как мы с тобой, всегда заставляли чувствовать себя лишними. Нас ссылали в рабочий дом, с глаз долой! Но ты добрая девочка, Амелия, а доброте везде есть место. Не забывай об этом!

– Мэри права, – закивал Отец Рождество. – А Отец Водоль – всего лишь старый желчный эльф, и слушать его – последнее дело. Ты имеешь такое же право летать на санях, как и любой эльфёнок в твоём классе. Не переживай! Я замолвлю за тебя словечко в школе. И с Кипом в Школе санного мастерства поговорю. Я положу конец этим глупостям. Но при одном условии...

– Что за условие? – насторожилась я.

– Чтобы я больше не слышал слово «невозможно» в этом доме!

Я рассмеялась. И Мэри тоже. Даже Капитан Сажа, кажется, тихо фыркнул от смеха.

– Хорошо, – улыбнулась я Отцу Рождество. – Договорились.

Поездка на санях

Это случилось.

Наверное, Отец Рождество действительно замолвил за меня словечко, потому что в следующий понедельник – за неделю до Рождества – меня наконец допустили к полёту на санях. И я, должна вам признаться, была очень, очень счастлива. Хотя и волновалась, конечно, тоже. Ту неделю я почти не спала. Когда я проснулась в понедельник, Отец Рождество посоветовал мне попрыгать на батуте «по меньшей мере полчаса», чтобы растрясти волнение и взять себя в руки.

Я понимала, что спустя год получила возможность по-настоящему стать частью Эльфхельма. Управление санями – единственная истинно эльфийская способность, которой я обладала. Учитель Кип был добрым другом Отца Рождество. Когда Кипу было всего пять, Отец Рождество спас ему жизнь. Однажды я спросила Отца Рождество, как это случилось, но он покачал головой и сказал только, что «кое о чём лучше не вспоминать». А Кип, насколько я знала, и вовсе не любил болтать попусту, и словоохотливость нападала на него, только когда речь заходила о санях.

Итак, мы пришли в Школу санного мастерства на Главном пути. Выкрашенные в красный с белым ученические сани стояли рядком в ожидании полёта. Все они были куда меньше саней Отца Рождество, и чтобы поднять их в воздух, достаточно было одного оленя.

- Печенька, запряги Скакуна.
- Есть! – воскликнул Печенька, подпрыгнув от восторга.
- Мерцалка, возьми Резвую.
- Будет сделано, мистер Кип, – послушно ответила Мерцалка.
- Снежинка, сегодня работаешь в паре с Кометой.

Так продолжалось до тех пор, пока всем ученикам не досталось по оленю. Кроме меня.

Я помахала рукой, пытаясь привлечь внимание Кипа, но эльф притворился, что меня не видит. Тогда я спросила напрямую:

- А мне какие сани взять?

Кип прищурился и бросил на меня тяжёлый взгляд из-под густой чёлки.

- Люди не должны летать на санях.

У меня возникло сильное подозрение, что Кипу вообще не слишком нравятся люди.

- Но Отец Рождество человек.

Кип покачал головой.

- Отец Рождество – необычный человек. Его зачаровали при помощи чудовства.

Я живо припомнила, как в Лондоне люди думали, что я ещё слишком мала, чтобы чистить дымоходы. Но мама из-за болезни не могла подняться с постели, и мне приходилось работать за неё. Снова и снова я доказывала маминым клиентам, что они ошибаются. И теперь я собиралась доказать это Кипу.

- Я могу летать на санях, – решительно заявила я. – За тем я сюда и пришла.

Мерцалка с Резвой уже направлялись ко взлётной полосе, Печенька со Скакуном наступали им на пятки. Остальные ученики тоже не отставали.

А я снова почувствовала, как меня оставляют за бортом. В глазах предательски защипало, и я шмыгнула носом, опасаясь, что сейчас разревусь от обиды.

- Ладно, ладно, – пошёл на попятную Кип. – Полагаю, проще будет найти тебе сани.

Я улыбнулась. Слез как не бывало.

- Спасибо, мистер Кип.

- Просто делай, что я скажу, – отмахнулся он.

- Конечно, конечно, обещаю!

Я окинула взглядом школьный двор и обнаружила, что все сани и олени уже заняты. Хотя нет, в дальнем углу стояли белые сани, в которые был запряжён Блитцен, любимый олень Отца Рождество. Эти сани я видела год назад, когда мы с Отцом Рождество и Мэри заходили в магазин сладостей. Изящные, блестящие, они ничуть не походили на простые ученические.

– Вон те свободны, – сказала я, ткнув в них пальцем.

– Но это же «Снежная буря 360», – с явным беспокойством ответил Кип.

– И что?

– Моя последняя разработка. Эти сани стоят тысячу шоколадных монет.

Кип оглянулся, в отчаянии пытаясь найти для меня другие сани. Но во всех уже сидели эльфы, которым не терпелось оторваться от земли.

Кип посмотрел на меня и раздражённо закатил глаза.

– Ну хорошо. Можешь взять «Снежную бурю 360». Но ты должна обращаться с ними очень осторожно. Очень-очень-очень-очень-очень осторожно. Ты поняла?

– Да. Очень-очень-очень-очень-очень осторожно, – согласно закивала я. – С пятикратной осторожностью. Всё поняла.

Кип подвёл меня к саням, и я забралась внутрь. Сиденье оказалось очень удобным и дорогим даже на вид, а приборная доска была уменьшенной копией приборной доски на санях Отца Рождество. Кип принялся объяснять, зачем нужны многочисленные рычажки, шкалы и циферблаты. Торчащие из рабочих митенок пальцы проворно бегали по кнопкам.

– Это альтиметр для измерения высоты, это барометр надежды – его стрелка должна указывать вот сюда. Следи за тем, чтобы преобразователь надежды всё время горел зелёным. Компас прямо посередине. Тахометр показывает, как работает двигатель. Его стрелка должна находиться между восьмьюдесятью и сотней, но на взлёте нужно увеличить обороты до ста пятидесяти, а при посадке – сбросить до шестидесяти. Поводья на этих санях – лучшие из тех,

что существуют на земле, они реагируют на малейшее движение. Чтобы повернуть, потяни легонько влево или вправо. Чтобы начать снижаться, потяни вниз. Если потребуется резко развернуться, дерни три раза. Всё запомнила?

– Запомнила, – кивнула я, не сводя глаз с барометра надежды. Он улавливал рассеянные в воздухе частицы надежды. А в эти дни, после заключения мира с троллями, их там было в достатке.

Кип пробурчал что-то себе под нос – вся эта затея явно была ему не по душе – и спрыгнул на снег. Протопав ко взлётной полосе, он повернулся к ученикам и принялся выкрикивать инструкции.

– Значит так, слушайте внимательно! Когда я назову ваше имя, дёрните за поводья пять раз, чтобы олень пустился в галоп.

Взлётная полоса на вид ничуть не отличалась от остальных укрытых снегом дорог Эльфхельма. И была довольно короткой. Ученикам требовалось поднять сани в воздух как можно скорее, в противном случае они рисковали врезаться в стену школы.

– Когда сани оторвутся от земли, – продолжал Кип, – откиньтесь назад и не выпускайте поводья. Самая трудная часть позади. Чтобы развернуться, потяните поводья вправо или влево. Всё поняли?

– Да! – хором ответили эльфята, уже приплясывавшие от нетерпения.

– Амелия! – крикнул Кип. – Ты меня услышала?

Я кивнула.

– Отлично, просто отлично. А теперь запомните самое главное правило, – со всей серьёзностью проговорил Кип. – Летать можно только над Эльфхельмом. Не вздумайте приближаться к Очень большой горе, и ради всего рождественского – не летайте к Лесистым холмам. Это очень важно.

Я снова кивнула, а затем вдруг услышала тихое мяуканье. Бросив взгляд вниз, я увидела возле полозьев зелёные глаза Капитана Сажи – и остального кота, разумеется, тоже. На снегу чётко проступали отпечатки кошачьих лап. Просто невероятно!

– Я сказала тебе сидеть дома! – прошипела я. – Иди домой. Тебе сюда нельзя! Котов в школу не пускают!

Пропустив мои слова мимо ушей, Капитан Сажа запрыгнул в сани.

– Нет! Вылезай! Вылезай немедленно! Иди домой! Капитан Сажа, у меня из-за тебя будут неприятности...

– Всё в порядке, Амелия? – Кип заметил, что я веду себя как-то странно, и теперь все эльфы на школьном дворе смотрели на меня.

Я не могла сказать им правду. Скорее всего, Кип воспользуется этим предложением, чтобы отстранить меня от урока, и я снова почувствую себя ни на что не способной девочкой-переростком. Сегодня у меня наконец появился шанс показать: кое на что я все-таки способна. И упускать этот шанс я не собиралась.

– Всё хорошо, – ответила я, натянуто улыбнувшись.

Кип посмотрел на меня с подозрением, но настаивать не стал.

– Хорошо. Тогда бери поводья в руки. Мы сейчас начнём.

Я не знаю, с чем можно сравнить это чувство.

Эльфхельм остался далеко внизу; мы мчались по синему небу, ветер бил в лицо и свистел в ушах, а Блитцен тянул сани вперёд, перебирая копытами в пустоте.

Всё шло хорошо, даже лучше, чем хорошо. Кип с большим, выкрашенным в красный и белый орупором – так называли его эльфы – превратился в маленькую точку, которая без усталости выкрикивала команды.

– Замечательно, Печенька! Натяни поводья, Мерцалка! Снежинка, притормози! Амелия, так держать! Отлично!

Я с трудом могла поверить своим ушам. Кип меня похвалил, сказал, что я отлично справляюсь! Но ведь я и в самом деле отлично справлялась, и другие эльфы, нарезавшие круги по небу, оборачивались, чтобы посмотреть на меня.

Поводья послушно отзывались на любое движение, как и обещал Кип. Блитцен летел по воздуху безо всякого напряжения. Барометр надежды уверенно держался на отметке «Обнадеживающе».

Я посмотрела вниз и увидела школу, Мастерскую игрушек и ратушу. Кажется, я даже разглядела Отца Рождество и Мэри: взявшись за руки, они гуляли по Улице семи извилин.

А сани всё мчались вперёд.

– Умница, Блитцен, – сказала я оленю. – Ты молодец!

– Ещё один круг! – крикнул снизу Кип. – И начинайте заходить на посадку. Пожалуйста, потяните поводья вниз. По очереди, один за другим. Печенька и Скакун, вы первые... Все меня слышали? Последний круг!

Всё шло так хорошо, что я не могла перестать улыбаться. Да что там, я почти смеялась в голос. Год назад я была несчастной девочкой, запертой в работном доме, где мне приходилось не покладая рук трудиться от зари и до зари. А теперь я живу в стране эльфов и чудес – и летаю по небу на санях. Конечно, некоторые предметы в школе мне пока не даются, но я преисполнилась уверенности, что отныне всё пойдёт на лад.

– Ух ты! – воскликнул Печенька, когда мы с Блитценом его обогнали. – У тебя здорово получается!

Затем мимо промчалась Комета: она неслась быстрее молнии, а Снежинка стояла в санях, натянув поводья.

– Амелия! – крикнула она. – Кажется, ты нашла своё призвание!

Ветер растрепал мои волосы и едва не сдул колпак, и я не выдержала и завопила: «ЭТО ПОТЯСАЮЩЕ! ЖИЗНЬ ПОТЯСАЮЩАЯ! ЙУ-ХУ!»

Замечу, что в те времена никто не говорил «Йу-ху». Уверена, я изобрела это выражение. Но честное слово, в тот миг я не могла придумать ничего другого, настолько *правильной* показалась мне моя жизнь. Практически идеальной.

Как вдруг...

Капитан Сажа, с самого начала уютно устроившийся под сиденьем, запрыгнул ко мне на колени.

– Капитан, слезь сейчас же! Здесь опасно, мы с тобой очень высоко.

Но у Капитана Сажи всегда были сложности с тем, чтобы следовать указаниям. Хотя чего ещё ждать от кота?

Взяв поводья в одну руку, другой я попыталась вернуть Капитана Сажу на прежнее место. Но у кота на уме было совсем другое. Ловко увернувшись, он вскочил на передок саней, встав прямо над приборной доской. И начал медленно соскальзывать вниз.

– О нет!

Когти Капитана Сажи беспомощно царапали заботливо отполированную обшивку «Снежной бури».

Бросив поводья, я вскочила и потянулась, чтобы достать кота. Сани стали терять направление.

– Амелия! Ты что творишь? – крикнула Снежинка откуда-то сзади.

Времени отвечать не было. Глаза Капитана Сажи расширились от страха. Я схватила его за загривок, но не слишком крепко – он сидел так далеко, что толком взяться не получалось.

– Не бойся, Капитан, я тебя держу, – постаралась я успокоить кота.

Кажется, прозвучало не слишком убедительно. От холодного ветра шерсть у Капитана Сажи стояла дыбом; бедный перепуганный кот дрожал от ушей до кончика хвоста.

А потом случилось кое-что ужасное.

Вывернувшись из моих рук, Капитан Сажа прыгнул.

Кот и олень

Нет! – завопила я.

Было бы прекрасно, если бы Капитан Сажа прыгнул обратно в сани. Но нет, он прыгнул прямо в противоположном направлении – то есть вперёд. Сани летели в полумиле над землёй. В первый миг, обмерев от ужаса, я нигде не могла его разглядеть.

А затем наконец заметила.

Капитан Сажа приземлился на спину Блитцену и теперь сидел там, отчаянно цепляясь когтями. Почувствовав неладное, Блитцен повернул голову и увидел непонятное чёрное существо. Олень испуганно замычал и попытался стряхнуть кота. Меня откинуло назад, прямо на сиденье, и встать я уже не смогла – сани бестолково болтались в воздухе, и мне приходилось изо всех сил держаться за борт, чтобы не вывалиться. Одной рукой я всё-таки пыталась схватить поводья, но безуспешно.

– Блитцен! Успокойся, Блитцен! Всё в порядке, это просто кот! Блитцен! БЛИТЦЕЕЕ-ЕЕН!

Блитцен, не обращая внимания на мои крики, мчался во весь опор. Он обогнал даже Резвую, оставив всех эльфов и оленей далеко позади. Вслед нам неслись истошные вопли Кипа:

– Амелия! Амелия! Что ты делаешь? Вернись немедленно! Приструни своего оленя! Амелия! Это твой последний...

Всё, больше я ничего не слышала, кроме свиста ветра в ушах. Сани немного выправились, но только потому, что Блитцен с головокружительной скоростью нёсся в одном направлении.

Кое-как мне удалось подняться на ноги. Я выглянула за борт и с ужасом поняла, что мы летим туда, куда летать нам строго-настрого запретили – прямо к Лесистым холмам.

Оглянувшись назад, я с трудом различила в небе остальные сани. Эльфхельм превратился в разноцветную игрушечную деревеньку, которая медленно таяла в снежной дали.

– Ох, нет-нет-нет... – забормотала я и перегнулась через борт в тщетной попытке ухватить поводья, которые растревоженными змеями извивались в воздухе.

– О нет, о нет, о нет...

Бесполезно – я не могла дотянуться. Капитан Сажа тем временем осторожно подбирался к загривку Блитцена.

– Нет, Капитан! Не туда, сюда! Иди ко мне. Давай же. Ну пожалуйста, Капитан, пожалуйста!

Я понимала, что бесполезно говорить коту «пожалуйста». Как и в принципе с ним разговаривать. Кот есть кот. Но что ещё мне оставалось?

Блитцен тем временем изо всех сил пытался убежать от Капитана Сажи. Что было довольно-таки непросто, поскольку Капитан Сажа крепко держался за его шею.

Я с опаской посмотрела вниз. Мы летели очень высоко. Выше деревьев, которые мелькали под копытами Блитцена. И Эльфхельм уже окончательно скрылся из виду.

– О нет, о нет, о нет, о нет, о нет, о нет, о нет. Блитцен! – в последний раз крикнула я обезумевшему оленю. – Всё в порядке. Всё хорошо. Всё...

И тут мне в голову пришла идея.

Идея невероятно глупая, но поскольку она явилась в гордом одиночестве, выбора у меня не осталось.

Мне нужно было приструнить Блитцена. А я не могла сделать это, сидя в санях, пока поводья трепыхались где-то за бортом.

Таким образом, я не видела иного способа успокоить Блитцена, схватить поводья и сгрести в охапку Капитана Сажу, кроме как прыгнуть оленю на спину.

Стараясь не слишком задумываться о том, что творю, я поставила ногу на приборную доску, прямо на барометр надежды, стрелка которого дрожала на отметке «Практически безнадёжно». Потом взялась за поручень над доской и закинула ногу на передок саней.

Ледяной ветер яростно ударил в лицо, отбросив мои волосы назад так, что они вытянулись в сосульку.

– Ладно, – выдохнула я. – Давай, Амелия. Ты сможешь. Капитан Сажа ведь смог. Хотя Капитан Сажа кот, а коты хорошо прыгают и ещё лучше приземляются... Так, хватит. Прекрати спорить сама с собой. Просто возьми и прыгни. ПРЫГАЙ!

И я прыгнула.

Я даже не успела почувствовать, как лечу через пустоту, потому что приземлилась чётко на круп Блитцена, прямо над хвостом. И без того перепуганный олень возмнил себя диким быком и бешено заскакал, пытаясь меня стряхнуть.

– Блитцен! – крикнула я, больно ткнувшись лицом ему в спину. – Что ты делаешь? Это же я, Амелия!

Кажется, он наконец меня услышал. Во всяком случае, перестал взбрыкивать и сменил сумасшедший галоп на вменяемый бег.

– Хороший мальчик, Блитцен. Умница!

Я потрепала оленя по холке, напряжённо размышляя, что делать дальше. Я могла либо взять в руки Капитана Сажу – либо схватить поводья.

Выбрав последнее, я тут же поняла, что совершила большую ошибку.

Едва мои пальцы сомкнулись на поводьях, Капитан Сажа, очевидно уставший цепляться за шкуру оленя, разжал лапы и тихо соскользнул вниз.

– Нет! – завопила я и рванулась вперёд, но успела лишь мазнуть пальцами по белому кончику хвоста.

Капитан Сажа маленькой чёрной кометой мчался к деревьям вниз.

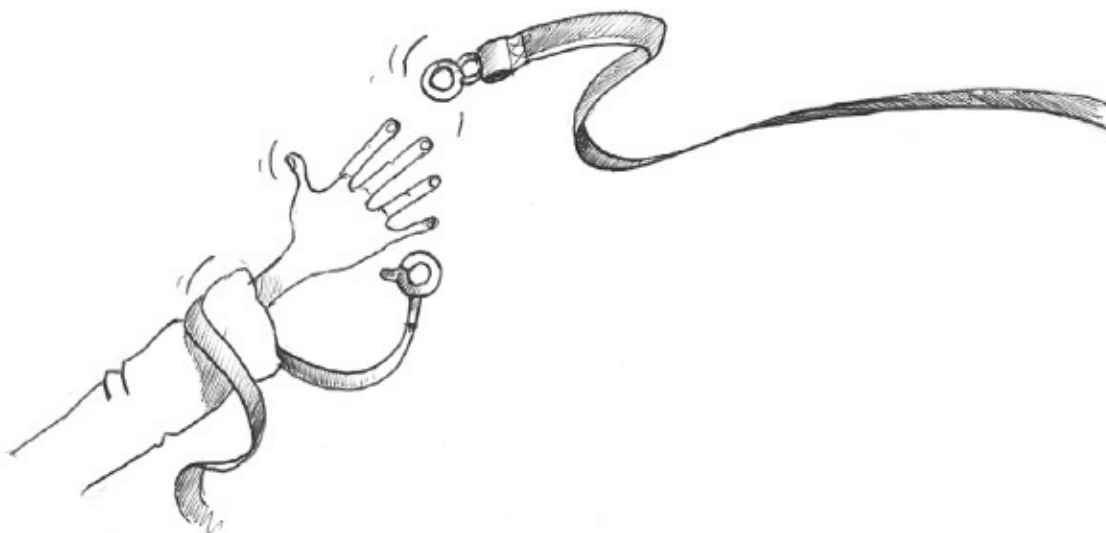
– Капитааааан!

Покрепче схватив поводья, я резко потянула вниз. Вроде бы Кип сказал, что так нужно заходить на посадку.

– Вниз, Блитцен! Вниз!

Думаю, Блитцен наконец понял, что происходит. Да, когда Капитан Сажа вскочил ему на спину, он перепугался – просто потому, что не сообразил, кто вцепился когтями ему в круп. Олень решил, что на него напал странный чёрный зверь, и ему это, разумеется, не понравилось. Но теперь он догадался, что это был мой кот, кот, который был дорог мне, а значит, и Отцу Рождество. А если и было что-то, чего боялись олени – и в особенности Блитцен, – так это огорчить Отца Рождество. Теперь Блитцен послушно снижался, камнем падая туда, где чернел над лесом Капитан Сажа.

Сани тормозили нас, и потому я отстегнула упряжь, оставив «Снежную бурю 360» беспомощно болтаться в воздухе.

Чёрная точка меж тем росла и росла. Но чем ближе мы подлетали к Капитану Саже, тем быстрее он падал. Он уже поравнялся с зелёными верхушками гигантских сосен, росших на холмах. Но колючие хвойные лапы не смогли замедлить или смягчить его падение – Капитан Сажа умудрился угодить прямо в просвет между деревьями.

– Быстрее, Блитцен! Мчи во весь опор! Быстрее волшебства!

Как бы я хотела, чтобы Отец Рождество был рядом! Окажись он здесь, сотворил бы какое-нибудь чудо и остановил время. Хотя, если бы Отец Рождество оказался здесь, ничего из этого вовсе не случилось бы.

Капитан Сажа был прямо под нами, бешено крутился в воздухе, и хвост его трепыхался оборванным знаменем.

Я потянулась и наконец схватила его над самой землёй, – а Блитцен в последний миг заложил дугу и резко взмыл в воздух, чем уберёг нас от столкновения с сугробами.

– Всё хорошо, Капитан! Я тебя держу! Ты в безопасности, мы живы. Хотя мне самой не верится!

Облегчение окатило меня волной тёплого молока. Блитцен уже замедлял бег, чтобы аккуратно опуститься на прогалину между деревьями, как вдруг чудовищный грохот разрушил наше недолгое счастье.

СКЫДЫЩЬ!

Испуганно обернувшись, я увидела, что великолепные сани «Снежная буря 360» рухнули где-то за деревьями. И судя по звуку, посадка вышла отнюдь не мягкой.

– О НЕТ.

Яма

Блитцен плавно опустился на снег. Не выпуская Капитана Сажу из рук, я спрыгнула со спины оленя и потрепала его по холке.

– Прости, Блитцен. Мне жаль, что так вышло. Капитан Сажа просто испугался. Ты в порядке?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.